

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ И ПОЭТИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научная статья

Образ жены Откровения в публицистике первой половины XVI века в России

М. Гардзанити

Университет Флоренции, Италия
marcello.garzaniti@unifi.it

Аннотация. С конца XV в. можно наблюдать более широкое присутствие и использование книги Откровения в России, вероятно, благодаря культурному влиянию Запада, где эта новозаветная книга и ее экзегеза были гораздо более распространены в контексте средневекового профетизма и реформаторских тенденций. Несомненно, важную роль должен был сыграть вопрос о датировке конца света, который беспокоил сознание того времени и который в восточнославянском мире связан с вопросом о седьмом тысячелетии (1492 г.).

Именно в этом контексте следует интерпретировать разное использование образа жены Апокалипсиса в сочинении *Об обидах церкви*, в *Послании старца Филофея*, адресованном дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину, а также в *Слове о нестроениях и бесчиниях* Максима Грека. Если в первом сочинении анонимный автор держит эсхатологический горизонт на переднем плане с сильным призывом к верности христианской традиции не только в доктринальном, но и в моральном плане, то в своем *Послании* старец Филофей использует этот образ для иллюстрации идеи о переносе христианской Церкви и одновременно царской власти в Москву, в то время как афонский монах превращает образ жены в воплощение харизмы власти, выстраивая диалог, в котором главный герой – жена по имени Василия – иллюстрирует моральный упадок царств и княжеств того времени, призывая к обращению правителей и следуя подходу, который остается чуждым идее Третьего Рима.

Ключевые слова: книга Откровение, сочинение *Об обидах церкви*, *Послание старца Филофея* дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину, *Слово о нестроениях и бесчиниях* Максима Грека

Для цитирования: Гардзанити М. Образ жены Откровения в публицистике первой половины XVI века в России // *Scriptorium slavicum*. 2024. № 1. С. 11–22. <https://doi.org/10.20913/script-2024-1-01>

ISSUES OF TEXTUAL CRITICISM AND POETICS OF OLD RUSSIAN LITERATURE

Article

The Image of Apocalyptic Woman in the Publicism of the First Half of the Sixteenth Century in Russia

M. Garzaniti

University of Florence, Italy
marcello.garzaniti@unifi.it

Abstract. From the end of the fifteenth century, a wider presence and use of the Apocalypse can be observed in Russia, probably due to cultural influences from the West, where this New Testament book and its exegesis were much more widespread in the context of medieval prophethood and reform trends. Certainly, the question of dating the end of the world, which troubled the consciences of the time and which in the East Slavic world appears to be connected to the question of the seventh millennium (1492), had to play an important role.

It is in this context that the author proposes to interpret the different use of the image of the Apocalyptic Woman found in the writing *On offences against the Church*, in the *Letter of the Pskov starec Filofei to the d'jak M.G. Misjur' Munechin*, as well as in the *Discourse on instability and chaos* by Maximus the Greek. While in the former, the anonymous author keeps the eschatological horizon in the foreground with a strong appeal to fidelity to the Christian tradition not only in doctrinal, but also in moral terms, in his *Letter*, the starec Filofej adopts this image to illustrate his idea of the transfer of the Christian Church and at the same time of imperial power to Moscow. In his turn, the Athonite monk transforms the image of the woman into a figure of the charisma of power, constructing a dialogue in which the protagonist Vasilija illustrates the moral decadence of the empires and kingdoms of his time by calling for the conversion of the rulers and following an approach that remains alien to the idea of the Third Rome.

Keywords: Apocalypse, the writing *On offences against the Church*, the *Letter of the Pskov starec Filofej to the d'jak M.G. Misjur' Munechin*, the *Discourse on instability and chaos* by Maximus the Greek

Citation: Garzaniti M. The Image of Apocalyptic Woman in the Publicism of the First Half of the Sixteenth Century in Russia. *Scriptorium slavicum*. 2024, no. 1, pp. 11-22. <https://doi.org/10.20913/script-2024-1-01>

Введение

В славянской рукописной традиции книга Откровения гораздо менее распространена, чем другие книги Нового Завета: с XIII до первого десятилетия XVI в. насчитывается лишь немногим более 40 списков, большинство из которых – восточнославянские, и только в четырех случаях книга является частью чисто библейских сборников: Чудовского Нового Завета XIV в. (далее – ЧНЗ), боснийского Хвалова сборника 1404 г. (далее – Хвал.), Геннадиевской Библии 1499 г. (далее – ГБ) и Сборника Матфея Десятого 1507 г. (далее – МД). За исключением второго эти сборники происходят из восточнославянского ареала [Алексеев, 2020, с. 99–100]. В общем, Откровение могло бы сопровождать ветхозаветные книги, как книги Премудрости или Псалтырь, и даже небиблейские тексты, такие как афоризмы Менандра и сборник «Пчела» [Алексеев, 1999, с. 27–28].

Следует также добавить, что Откровение было распространено, особенно вместе с толкованием, в частности с Толкованием Андрея Кесарийского (V в.)¹. Это экзегетическое сочинение уже присутствовало в византийской традиции (Schmid, 1956) и было окончательно канонизировано в русском ареале с включением его в Великие Минеи Чети (1529–1541)². Его текстуальная традиция стала предметом изучения в последние десятилетия, и в настоящее время основное внимание уделяется южнославянской традиции, которая оказала влияние на восточнославянскую передачу, о чем свидетельствует близость МД с Хвал.³ [Алексеев, Лихачева, 1987; Подковырова, 2017]. Следует также отметить, что в МД Откровение следует сразу за Евангелием от Иоанна, намекая на то, что эта книга традиционно приписывается тому же автору Евангелия. Это имеет место как в некоторых греческих списках [Алексеев, 2020, с. 101], так и в Хвал. Кроме того, в МД книга всегда называется грецизмом «Апокалипсис».

Ограниченное распространение книги Откровения в славяно-византийском мире объясняется тем, что эта книга редко читалась во время литургических служб [Лукашевич, 2009]. Вероятно, она предназначалась прежде всего для личного чтения монахами. Об этом свидетельствует

¹ О греческом оригинале см.: Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Vol. 106. Paris, 1857. Col. 215–458 ; Geerard M. *Clavis patrum graecorum: qua optima quaeque scriptorum patrum graecorum recensiones a primaevis saeculis usque ad octavum commode recluduntur: A Cyrillo Alexandrino ad Iohannem Damascenum*. Turnhout, 1979. Vol. 3. № 7478.

² Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 25–30. Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. наук, 1883. Стлб. 1696–1793 (см. под 26 сентября).

³ О славянской рукописной традиции в целом, наряду с вышеупомянутыми исследованиями, см.: Oblak V. *Die kirchenslavische Übersetzung der Apokalypse* // *Archiv für slavische Philologie*. 1890. №13. P. 321–361 ; Grünberg K. *Die kirchenslavische Überlieferung der Johannes-Apokalypse*. Frankfurt am Main [et al.], 1996. Для глаголической традиции см.: Jurić-Kappel J. *Hrvatskoglagoljske apokalipse* // *Glagoljica i hrvatski glagolizam : zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice staroslavenske akademije i 50. obljetnice staroslavenskog instituta* (Zagreb–Krk 2.–6. Listopada 2002). Zagreb ; Krk, 2004. P. 183–190. Для боснийской традиции см.: Hamm J. *Apokalipsa bosanskih krstjana* // *Slovo*. 1960. Vol. 9/10. S. 43–104. В целом для южнославянской традиции см.: Трифонова И. К. *Откровение св. Иоанна Богослова среди православных славян и в южнославянской письменности* // *Studia Ceranea*. 2016. Т. 6. С. 177–204 ; Трифонова И. К. *Ръкописната традиция на Книга Откровение сред южните славяни*. Ч. 1. Сръбският препис от края на XIV в. София : Българска акад. на науките, 2022. 344 с.

только что упомянутый ЧНЗ, где можно обнаружить глоссы на полях, указывающие на названия дней, это подтверждает, что чтение было поручено монаху в его келье в соответствии с недельным расписанием.

С конца XV в. можно наблюдать более широкое распространение этой книги, что, вероятно, связано с влиянием западной культуры, где эта новозаветная книга была гораздо более распространена, особенно на волне средневекового профетизма и в контексте более широкой апокалиптической литературы и реформаторских тенденций того времени. Иван Черный (ум. ок. 1490 г.) [Турилов, 2014], считающийся одним из сторонников еретического движения жидовствующих, составил сборник ветхозаветных книг, к которому он в самом конце добавил, как единственную книгу Нового Завета, Откровение⁴ [Алексеев, 1999, с. 201].

В восточнославянском мире тема ожидания конца света, волновавшая сознание людей того времени, появилась из-за драматических событий падения Византийской империи и османского завоевания Балкан и как бы нашла подтверждение в завершении седьмого тысячелетия по византийскому календарю (1492 г.). Именно в связи с этим вопросом можно встретить несколько цитат из Откровения в таких фундаментальных работах того времени, как *Просветитель* Иосифа Волоцкого (Иосиф Волоцкий, 1896). Восьмое Слово *Просветителя* направлено против новгородских еретиков, так называемых жидовствующих, по мнению которых неисполнение человеческой истории в конце седьмого тысячелетия дискредитировало бы труды Отцов Церкви о втором пришествии Христа. В своей аргументации Иосиф Волоцкий использует различные цитаты из Откровения для иллюстрации концепции времени и понятия тысячелетия в Священном Писании, также ссылаясь на размышления отцов церкви, чтобы подтвердить невозможность определения времени и часа конца света. Все эти источники, включая канонические установления, относятся, по его мнению, к комплексу «божественных книг», который, далеко выходя за рамки Библии, являлся авторитетным источником его рассуждений [Малинин, 1901, с. 146].

Следует, однако, признать, что в *Просветителе* мы не встречаем образа жены – объекта наших размышлений. На самом деле интерес Иосифа Волоцкого ограничивается определением конца света в горизонте вселенского суда, исполнением человеческой истории.

Помимо этого следует заметить, что цитирование Откровения не было обычной практикой, и образ женщины, если исключить агиографию, сочинения о богородичном культе и иконографии, появляется в основном в связи с рассуждениями о браке и семье, в соответствии с устоявшимся моральным и социальным подходом славяно-византийской традиции. Это можно увидеть в XVI в. в трудах митрополита Даниила, верного последователя Иосифа Волоцкого, в которых, кажется, нет и следа книги Откровения (см. недавнее издание его работ: [Даниил, митрополит Московский, 2020]).

⁴ РГБ. Собр. В. М. Ундольского. № 1.

Образ жены Откровения в Филофеевом цикле

Присутствие образа жены Откровения в публицистике первой половины XVI в. связано с произведениями так называемого Филофеевого цикла, среди которых наиболее известным является *Послание старца Филофея*, адресованное дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину (ок. 1523, далее – *Послание*), которое знаменито формулировкой теории «Москва – Третий Рим». В этом Послании образ жены Откровения не находится в центре аргументации старца, которая строится на провиденциальной идее истории и верности московской кафедры восточнохристианской традиции⁵. Этот образ выполняет основополагающую функцию в другом сочинении цикла, известном под названием *Об обидах церкви*, считающимся анонимным, которое остается предметом дискуссий, особенно по поводу его отношения к *Посланию*⁶.

Мы не будем останавливаться на вопросах о роли сочинения *Об обидах церкви* в формировании концепции «Москва – Третий Рим» и, соответственно, о его датировке, которые должны быть предметом специального анализа, ограничимся указанием на то, что его развернутая форма, представляющая собой внятное и сложное размышление, засвидетельствована единственным кодексом⁷, который содержит другие важные сочинения того времени⁸. Наше внимание будет сосредоточено на отрывке из Откровения с образом женщины и его толковании в горизонте человеческой истории, которая уже достигла своей завершающей фазы.

Чтобы понять эту цитату, необходимо рассмотреть предшествующее этому отрывку размышление, которое заслуживает большего внимания. Анонимный автор, фактически перерабатывая правило митрополита Кирилла (1274 г.), иллюстрирует османскую экспансию и падение Константинополя в апокалиптическом ключе, используя язык, напоминающий Псалмы, соединяя судьбу завоевания Византийской империи со смутной историей Древней Руси времен татарского ига: «Да уже прочее, братье, услышим вси, да не презираем божественных правил, да не како отпаднем и горе наслѣдуем, яко видимъ и слышим и в прочихъ странах преступльших Божиа заповѣди, не разсѣя ли ны Богъ по лицу всея земля, не взяти ли быша грады наша, / не падоша ли силныя князи наша острѣмь меча, не запустѣша ли свята Божиа церкви, якоже въ Царствующем градѣ съдѣяся, не томими ли есмы от безбожных поганъ, не поведени ли быша въ плѣнь чада наша? Сия вся бывают нам грѣхъ ради наших, зане не съхранимъ заповѣдеи, правилъ святахъ отецъ, яко не серебром, ни златом искуплени быхомъ от суетнаго сего житиа, но драгою кровию непорочнаго агньца Божиа Пречиста Христа» [Синицына, 1998, с. 366].

⁵ О нашем толковании *Послания* с подробным комментарием, основанным на библейских и патристических источниках, см.: Гардзанити М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. Москва : Индрик, 2014. С. 121–158.

⁶ Для иллюстрации состояния исследований и различных позиций см.: Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). Москва : Индрик, 1998. С. 166–173, 279–294.

⁷ РНБ. Софийское собр. № 1444. Л. 430–439.

⁸ Мы используем издание под редакцией Н. В. Синицыной (1998, с. 365–368).

На наш взгляд, этот пассаж связан не столько со свидетельством представителя южнославянского мира, как обычно предлагается, сколько с речами, распространявшимися в среде греческой эмиграции в Москве, приехавшей в основном с Итальянского полуострова и связанной с кардиналом Виссарионом, которая играла важную роль в дипломатии великого княжества с конца XV по первые десятилетия XVI в. В частности, следует упомянуть братьев Траханиотов, которые, как мы знаем, давали свои советы архиепископу Геннадию именно по вопросу о миллениаризме и конце света⁹.

Подтверждение этому толкованию мы находим в обращении к образу жены, на котором остановимся подробнее. Ссылаясь непосредственно на Иоанна Богослова и на его близость с Господом на Тайной Вечере, из которого он почерпнул, как написано, «неизреченные тайны», автор цитирует первые четыре стиха двенадцатой главы Откровения, в которых представлены два главных героя рассказа – жена и змей (дракон), а затем сразу переходит к описанию бегства жены в пустыню и воды реки, в которой змей хотел ее утопить (ср. стихи 14–15), опуская все упоминания об апокалиптической битве. Следующее подробное объяснение цитаты Откровения, обозначаемое техническим термином «Толкование», отождествляет жену с Церковью, змея с дьяволом, а его десять рогов с образом царств, как принято по традиции.

С этого момента начинается авторская интерпретация, которая отождествляет бегство жены с бегством как из древнего Рима из-за ереси, так и затем из нового Рима, Константинополя, из-за Флорентийской унии. Пустыня, в которой укрывается жена, отождествляется с Третьим Римом, под которым имеется в виду не город Москва, а в целом Великое княжество Московское: «И паки въ третии Римъ бѣжа, иже есть в новую Великую Русию, се есть пустыня, понеже свята вѣры пусти бѣша и иже божественнии апостоли в них [не] проповѣдаша, но послѣди всѣх просвѣтися на них благодать Божия спасителнаа его же познати истиннаго Бога»¹⁰ [Синицына, 1998, с. 367]. Отождествление «новой Великой Руси» с апокалиптической пустыней основано на идее, что эта земля не была обращена в христианство апостолами, что предполагает незнание или отрицание легенды о миссии

⁹ Об отношениях между Траханиотами и архиепископом Геннадием по поводу доктринальных дискуссий того времени см.: Плюханова М. Б. *Роль греко-итальянских униатов в становлении религиозных и политических идей на Руси конца XV – начала XVI в.* // «Друг – зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. Москва, 2013. С. 19–45. О греческой эмиграции в Россию в связи с диаспорой в Италии см.: Garzanti M. *La diaspora greca e i suoi sodali fra penisola italiana e gran principato di Mosca nelle relazioni politiche, religiose e culturali da Sofia Paleologa a Massimo il Greco* // *Cristiani orientali e Repubblica delle Lettere (XVI–XVIII sec. Firenze : Firenze Univ. Press. (В печати).*

¹⁰ По мнению М. Плюхановой, анонимный автор был вдохновлен видением «женщины, облеченной в солнце», бегущей из собора Святой Софии в Константинополе, которое присутствует в отрывке оригинального греческого *Письма трех восточных патриархов*, адресованного императору Феофилу, когда в нем говорится о завоевании византийской столицы, но отсутствует в славянской версии, переведенной в конце XV в. См.: Плюханова М. Б. «Многосложное послание / свиток» как лаборатория идей // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Санкт-Петербург, 2014. Т. 62. С. 372–373. Однако это может быть устный мотив, опять же связанный со свидетельствами греческой диаспоры об османском завоевании. Об интерпретации сочинения *Об обидях церкви* в связи с распространением богородичного культа в России, в частности Тихвинской иконы, см.: Плюханова М. Б. «Кипящие свѣта»: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. Санкт-Петербург, 2016. С. 408–419, 487–490.

апостола Андрея, о которой повествуется в *Повести временных лет*, и трудно представить себе это высказывание в устах русского автора¹¹.

Не менее важным и сложным является следующий отрывок: «И едина нынѣ святая съборная апостольская Церковь восточная паче солнца въ всей поднебеснѣи свѣтитсѣ, и единъ православный великий руский царь въ всей поднебесной, яко же Нои в ковчезѣ спасенъ от потопа, правя и окормляя Христову Церковь и утвержаа православную вѣру» [Синицына, 1998, с. 367]. С этими словами автор предлагает определение «церкви» со ссылкой на традиционное исповедание веры как «святой, соборной и апостольской», к которому добавляется «восточная», охватывая все христианство византийской традиции и в то же время обновляя память о Флорентийском Соборе и последовавших за ним дискуссиях. Одновременно этот пассаж лаконично иллюстрирует роль русского правителя, который, спасенный от потопа, то есть затопления, представляет собой единственного православного правителя в екумене, чья задача также заключается в поддержке Церкви и в укреплении православной веры.

Однако для автора сочинения *Об обидах церкви* важно подчеркнуть тесную связь между верой и делами с сильным призывом к нравственному обновлению, который возвращается к лейтмотиву первой части, посвященной моральному кризису русского общества, отмеченному «скверными прибытками» и симонией: «А еже змии испусти изъ устъ своих воду, яко рѣку, хотя жену / в водѣ потопити, – видиши ли, яко вся царства потопишася невѣриемъ, новыя же Русия царство аще и стоитъ вѣроу въ православии, но добрыхъ дѣлъ оскудѣние и неправда умножится, святые церкви обидими [...]» [Синицына, 1998, с. 367]. И его призыв сопровождается плачем по Церкви, «невесте Христа», в самой земле Русской.

В Послании старца Филофея образ жены Откровения приобретает иную функцию. Оставаясь в русле экзегетической традиции, тем не менее автор переносит на задний план не только этот образ, но в целом эсхатологическое размышление, по сравнению с доктринальным изложением, которое занимает центральную позицию. Только во второй части, после представления знаменитого девиза «Рим – весь мир», который служит оправданием *translatio imperii* из первого и второго Рима, псковский старец использует различные отрывки из Священного Писания, чтобы проиллюстрировать роль Русского царства. Во-первых, он приводит цитату из Псалмов: «се покои мои во вѣкъ вѣкъ, здѣ вселюся, яко изволих и (Пс. 131:14)» [Синицына, 1998, с. 345]. Этот псалом отмечает перенесение Ковчега Завета в Иерусалим и установление династии Давида, и его цитата приобретает особое значение в применении к московской действительности. За этой цитатой следует именно отрывок из 12-й главы Откровения с образом жены, в котором основное внимание уделяется не змею,

¹¹ О легенде о путешествии апостола Андрея на Русь см.: Чичуров И. С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской литературной традиции // *The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow* // *Proceedings of the International congress on the millennium of the conversion of Rus' to Christianity* (Thessaloniki, 26–28 Nov. 1988). Thessaloniki, 1992. P. 195–213.

а жене, символу церкви, и воде, символу «недостатка веры», который служит для провозглашения конца «христианских царств» и стабильности Русского царства: «вся христианская царства потопишася от невѣрных, токмо единого государя нашего царство едино благодатию Христоваго стоит» [Синицына, 1998, с. 345]. Только в самом конце старец, возвращаясь к вопросу астрологических предсказаний и о конце света, высказывает краткое моральное увещание государю, которое составляет эпилог *Послания*.

Таким образом, Послание старца Филофея использует образ жены Откровения для иллюстрации своей идеи о переносе царской власти в Москву, между тем сочинение *Об обидах церкви* сохраняет эсхатологический горизонт с сильным призывом к верности восточнохристианской традиции не только в доктринальном, но и в моральном плане.

Слово о нестроениях и бесчиниях афонского монаха Максима Грека

Совсем иную интерпретацию того же образа мы читаем в *Слове о нестроениях и бесчиниях* афонского монаха Максима Грека, написанном, вероятно, в 1540-х гг. в связи с постепенным восстановлением социального и политического порядка с венчанием Ивана Грозного на царство (1547) и подготовкой к Стоглавому собору (1551) [Журова, 2008–2011. Т. 1, с. 216–217; Емченко, 2010]¹².

Его *Слово* не имеет структуры письма или богословского трактата, но следует литературной форме диалога, которую Максим Грек часто использовал для выражения своих размышлений. Текст открывается рассказом от первого лица путника, который, путешествуя «по пути жестоць», встречает одинокую плачущую жену по имени Василия, которая появляется в окружении нескольких зверей. Жена представляется путнику как одна из благородных и славных дочерей Царя всех, Создателя и Владыки, от которого происходит «всяко даание благи всяк даръ съвършень» и «всяко отечество на небеси и на земли», с явной аллюзией на цитату о божественном происхождении каждого дара (Иак. 1:17), лейтмотивом византийской политической литературы. Аллегория жены в пустыне в *Слове*, таким образом, не совпадает с образом церкви, как в цикле Филофея, согласно традиционной интерпретации книги Откровения. Разрабатывая образ на основе приобретенных в Италии и Флоренции знаний, в частности черпая вдохновение в песнях Джироламо Савонаролы, афонский монах создает фигуру «повеления» и «власти», то есть харизмы, которую правители получают от самого Бога¹³.

¹² Последнее издание было подготовлено Н. В. Синицыной на основе кодекса: РГБ. Собр. Московской Духовной академии. Ф. 173. № 42. См.: Максим Грек, прп. Сочинения. Т. 2. Москва: Индрик, Рукоп. памятники Древней Руси, 2014. С. 264–271 (комм. на с. 390–393). Также принимается во внимание опубликованное несколькими годами ранее издание: Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Рукописная и литературная традиции. В 2 ч. Ч. 2. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. С. 26–43.

¹³ О подробном толковании *Слова* см.: Гардзанини М. «Слово о нестроениях и бесчиниях» Максима Грека. К источникам Плача Василии // Русская литература. 2021. № 1. С. 55–70; Garzaniti M. Massimo il Greco e il pensiero politico di Dante nella Russia del Cinquecento, in *Itinerari danteschi nelle culture slave*. Firenze, 2022. P. 25–37.

В диалоге с путником главная героиня выражает свои сетования по поводу социальных и политических потрясений того времени, используя многочисленные библейские цитаты, которые можно понять, выявляя источники и рассматривая произведение в целом в творчестве Максима Грека. Учитывая разные речи, в которых формулируется плач Василии, и представление главного героя в начале диалога, можно разделить *Слово* на проэмий и три части, которые развивают три различных аспекта размышлений афонского монаха о драматическом состоянии мира и его главных действующих лицах, царях и князьях, в более широком горизонте зарождающегося Русского царства и рассматривают множественность субъектов власти, характерную для Европы того времени.

В первой части *Слова* Василии с внятной аргументацией рассуждает о справедливости, во второй части она раздражается резкой критикой морального поведения правителей (особенно практики пиршеств). В третьей и последней короткой части Василии объясняет причины своего бегства «при пути семъ пустъ», где ей угрожают «лютыми звѣри». Иллюстрируя переносный смысл *Слова* в целом, Василии вызывает образ «окааннаго вѣка сего послѣдняго», в котором больше нет «цареи благовѣрномудреных и ревнителех славѣ», поскольку все они «своих си ищут, а не яже Вышняго». То есть они хотят «яко да себѣ разширят предѣлы дръжавѣ своихъ, другъ на друга вражебнѣ оплъчающеся, другъ друга обидяще и кровопролитии радующеся вкупѣ вѣрных языкъ, другъ другу навѣтующе, аky звѣри дивии всяческыми лаанни и лукавствии, о покланяемѣи же Церкви Спаса Христа, лють растрѣзаемѣ и навѣтуемѣ различными образы от христианоборных исмаилтянь, ни едино попечение есть имъ» (Максим Грек, преп., 2008–2014. Т. 2, с. 270). В этих словах можно увидеть тревожные чувства афонского монаха перед удручающим зрелищем христианских держав того времени, воюющих друг с другом и неспособных противостоять оттоманской власти. Его взгляд отличается от перспективы истории спасения, иллюстрируемой старцем Филофеем, который акцентирует внимание на святости русской церкви и переносе царства, но, конечно, более схож с апокалиптическими и этическими размышлениями произведения *Об обидах церкви*.

Слово завершается призывом Василии к путнику молиться о том, чтобы ее супруги, наконец, обратились от своих дурных деяний и посредством справедливого и богоугодного осуществления земной власти получили вечное небесное царство вместе с теми, кто «благовѣрно и богоугодно устроиша земскую сию царскую дръжаву» (Максим Грек, преп., 2008–2014. Т. 2. С. 271). Метафорическая интерпретация жены Откровения, которую развивал Максим Грек, находит отклик в те же годы в Воскресенской летописи. Во вступительной части, в контексте знамений, характерных для правления императоров и князей, включая те, что сопровождали османское завоевание Константинополя, Летопись вводит образ женщины, которая становится фигурой истины в мире, где теперь доминирует ложь (Летопись по Воскресенскому

списку, 2001, с. 253)¹⁴. Четвертая книга Ездры, или Откровение Ездры, которая в славянской версии, переведенной с латыни в Геннадиевской Библии, представляет собой Третью книгу Ездры, также могла бы сыграть роль в этой интерпретации. В этой апокрифической книге священнику Ездре является видение женщины, оплакивающей своего единственного сына, с которой он вступает в диалог, утешая ее. Из последующего объяснения ангела Уриила следует, что женщина символизирует Сион (3 Ездры 9:38–10:60)¹⁵.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в публицистике первой половины XVI в. в России сложились разные интерпретации образа жены Откровения. В частности, очевидна разница между произведениями цикла Филофея и *Словом* Максима Грека. Если произведения цикла остаются верны традиционной экзегезе апокалиптического пассажа, интерпретируя ее как образ церкви, хотя и наделяя его различными функциями, то Максим Грек, превращая образ в аллгорию, развивает свои размышления с целью заклеймить пороки мирской власти и подвергнуть критике тиранию. Конкретно рассматривая проблему роли власти по отношению к священству, он остается во всяком случае далеким от идеи Третьего Рима [Гардзанити, 2023].

Со второй половины XVI в. и позднее лицевые Апокалипсисы распространялись в России, в основном в среде старообрядцев. В иконографии, сопровождающей библейскую книгу, среди иллюстраций, хотя и реже, чем другие сюжеты, встречается изображение жены в пустыне, о чем свидетельствует кодекс конца 1560-х гг.¹⁶ Изучение лицевых Апокалипсисов открывает гораздо более широкий вопрос о формировании апокалиптического иконографического цикла в России¹⁷.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов. М. Гардзанити входит в редакционный совет журнала «*Scriptorium slavicum*», но не имеет никакого отношения к решению редколлегии опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

¹⁴ М. Б. Плюханова упоминает этот отрывок только в связи со Сказанием о Тихвинской иконе Богоматери, см.: Плюханова М. Б. «Кипѣние свѣта»: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. Санкт-Петербург, 2016. С. 514.

¹⁵ Можно проследить дальнейшее развитие этого образа в среде староверов, см.: Журавель О. Д. От Савонаролы до Ивана Филиппова: к истории эсхатологического сюжета о плаче церкви // Источниковедение литературы и языка : междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра филол. наук, проф. Е. И. Дергачевой-Скоп (Новосибирск, 18–20 окт. 2023 г.) : сб. материалов. Новосибирск, 2023. С. 74–75.

¹⁶ РГБ. Ф. 98. № 1844. Л. 46.

¹⁷ О лицевых Апокалипсисах см.: Подковырова В. Г. Лицевые апокалипсисы второй половины XVII – начала XX века. Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2016. 672 с.; об апокалиптическом иконографическом цикле в XVI веке также в связи с западной иконографией см.: Чинякова Г. П. К вопросу о сложении иконографии русского лицевого Апокалипсиса в XVI в. // Герменевтика древнерусской литературы. Москва, 2014. Вып. 16/17. С. 1032–1064.

The author has read and approved the final manuscript.

Conflict of interests. *Marcello Garzaniti is a member of editorial council of Scriptorium Slavicum but has nothing to do with the decision of the editorial board to publish this article. The article has undergone the peer review process accepted in the journal. The author did not declare any other conflicts of interest.*

Список литературы / References

Schmid J (1956) Studien zur Geschichte des griechischen Apokalypse-Textes. Teil 1. Der Apokalypse-Kommentar des Andreas von Kaisareia. Eisleitug. 376 S.

Алексеев А. А. Текстология славянской библии. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. 254 с. [Alexeev AA (1999) Textology of the Slavic Bible. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ.)].

Алексеев А. А. [и др.]. Библия Матфея Десятого: комментарии // Библия Матфея Десятого 1507 года из собрания Библиотеки Российской академии наук. Санкт-Петербург, 2020. Т. 2 : Исследования и материалы. С. 71–114 [Alexeev AA [et al.] (2020) Matthew the Tenth Bible: Commentary. *Bibliya Matfeya Desyatogo 1507 goda iz sobraniya Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk*. Saint Petersburg, vol. 2, pp. 71–114. (In Russ.)].

Алексеев А. А., Лихачева О. П. К текстологической истории древнеславянского Апокалипсиса // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. 1985. Ленинград, 1987. С. 8–22 [Alexeev AA and Likhacheva OP (1987) To the textual history of the Old Slavonic Apocalypse. *Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisnoi i redkoi knigi Biblioteki Akademii nauk SSSR*. 1985. Leningrad, pp. 8–22. (In Russ.)].

Гардзанити М. Imperium и sacerdotium в России XVI в.: размышления псковского старца Филофея и афонского монаха Максима Грека // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 54–71. DOI: <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-3-54-71> [Garzaniti M (2023) Imperium and sacerdotium in sixteenth century Russia: the reflections of the Pskov elder Philotheus and Athonite monk Maximus the Greek. *Novoe proshloe / The New Past* 3: 54–71. (In Russ.)].

Даниил, митр. Московский. Сочинения / исслед., подгот. текстов и изд. Л. И. Журовой. Москва : Индрик, 2020. 848 с. [Zhurova LI (comp) (2020) Daniel, Metropolitan of Moscow. Essays. Moscow: Indrik. (In Russ.)].

Емченко Е. Б. Священство и царство в XVI в. (Максим Грек и Стоглавый Собор) // Вопросы религии и религиоведения. Москва, 2010. Вып. 2, кн. 1 : Религиоведение в России в конце XX – начале XXI в. С. 90–102 [Emchenko EB (2010) The priesthood and the empire in the 16th century (Maximus the Greek and the Stoglav Sobor). *Voprosy religii i religiovedeniya*. Moscow, vol. 2 (1), pp. 90–102. (In Russ.)].

Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Рукописная и литературная традиции. В 2 ч. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2008–2011. Ч. 1. 2008. 490 с. ; Ч. 2. 2011. 301 с. [Zhurova LI (2008–2011) The Author's text of Maximus the Greek. Manuscript and literary traditions. In 2 pt. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (In Russ.)].

Иосиф Волоцкий. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих : творение преп. отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Изд. 3-е. Казань : Типо-литогр.

Императ. ун-та, 1896. 551 с. [Joseph Wolotski (1896) The educator, or Denunciation of the heresy of the Judaizers: the essay by our reverend father Joseph, hegumen of Volotsk. Kazan: Tipo-litogr. Imperat. un-ta. (In Russ.)].

Полное собрание русских летописей. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку / авт. предисл. Б. М. Клосс. Москва : Языки рус. культуры, 2001. X, 345 с. [Kloss BM (auth of pref) (2001) Complete collection of Russian chronicles. Vol. 7. Chronicle according to the Voskresensky list. Moscow: Yazyki rus. kul'tury. (In Russ.)].

Лукашевич А. А. Великое чтение // Православная энциклопедия. Москва, 2009. Т. 7. С. 514–515 [Lukashevich AA (2009) Great reading. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, vol. 7, pp. 514–515. (In Russ.)].

Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: историко-литературное исследование. Киев : Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1901. 1032 с. [Malinin VN (1901) Elder Philotheus of the Eleazar Monastery and his messages: historical and literary research. Kyiv: Tip. Киево-Печерскоi Успенскоi lavry. (In Russ.)].

Подковырова В. Г. Откровение Иоанна Богослова в Сборнике Матфея Десятого (БАН, Срезн. II.75) // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. Санкт-Петербург, 2017. С. 177–201 [Podkovyrova VG (2017) The Apocalypse by John the Evangelist in the Collection of Matthew the Tenth (BAN, Srezn. II.75). *Slavyanskaya Bibliya v epokhu rannego knigopечатaniya. K 510-letiyu sozdaniya Bibleiskogo sbornika Matfeya Desyatogo*. Saint Petersburg, pp. 177–201. (In Russ.)].

Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). Москва : Индрик, 1998. 414 с. [Sinitsyna NV (1998) The Third Rome. Origins and evolution of a Russian medieval conception (15th–16th centuries). Moscow: Indrik. (In Russ.)].

Турилов А. А. Иван Черный // Православная энциклопедия. Москва, 2014. Т. 20. С. 638–639 [Turilov AA (2014) Ivan Cherny. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, vol. 20, pp. 638–639. (In Russ.)].

Информация об авторе

Марчелло Гардзанити,
PhD, доктор восточных церковных наук,
профессор кафедры образования, языков,
межкультурных отношений, литературы
и психологии Университета Флоренции,
Виа дела Пергола, 60, Флоренция,
50121, Италия,
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4630-5374>
marcello.garzaniti@unifi.it

Information about the author

Marcello Garzaniti,
PhD, Dr. in Ecclesiastical Oriental Studies,
Ordinary Professor of the Department
of Education, Languages, Intercultures,
Literatures and Psychology,
University of Florence,
60 Via della Pergola, Florence, 50121, Italy,
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4630-5374>
marcello.garzaniti@unifi.it

Статья поступила в редакцию / Received 09.08.2024

Получена после доработки / Revised 19.08.2024

Принята для публикации / Accepted 30.09.2024